

COMPARTIMENTUL
ISTORIA, TEORIA SI METODOLOGIA STIINTEI

БЕССАРАБЕЦ СЕМЕН ПОРТУГЕЙС КАК СОВЕТОЛОГ

Владимир АНИКИН

Республика Молдова, Кишинэу, Академия Наук Молдовы, Институт европейской интеграции и политических наук

Доктор хабилитат политологии, ведущий научный сотрудник, доцент

Article is devoted to the native of Bassarabia, one of the founder of scientific Sovietology in Russian emigration, to talented publicist Simeon Osipovich Portujgejs (1880-1944). It is emphasized, that is the fullest its scientific potential reveals in works where the essence of the Bolshevism and its evolution from the Soviet Russia is analyzed.

The article is considered the features of outlook and S.O.Portujgejs` political insight. The special attention is given the analysis of approaches and assessments by the Sovietologist of the problems connected with its attitude to Bolshevik revolution, with revealing contradictions of the Bolshevism, with disclosing a role of average layers and youth in revolution, with the attitude of the Bolshevism and economy, with evolution of communist party and the Soviet society. The forecast of the future of Russia is given, the historical sense of the Bolshevism reveals. It is emphasized, that S.O.Portujgejs` basic political predictions for evolution of the Bolshevism have proved to be true also conclusions of the Sovietologist remain actual and nowadays.

Этапы жизненного пути.

Португейс Семен Осипович родился в Кишиневе в 1880 году, в малообеспеченной семье ремесленника-еврея. В юные годы вступил в тайный политический кружок Д.Б.Гольдендаха (Рязанова), видного деятеля российского революционного движения, начинавшего революционную работу в Одессе. Окончательный выбор в пользу революции сделал в 1901-1904 гг. во время получения образования в Германии. Почему молодой Семен Португейс оказался в рядах противников царского режима, достаточно вразумительно ответил один из его биографов Борис Николаевский: «Снизу вверх он выбился тем путем, который едва ли не один оставался открытым для талантливой молодежи этого слоя: через участие в революционном движении» [11, с.394].

Первые литературные опыты приходятся на время его сотрудничества в «Южном обозрении», которое редактировал будущий член кадетского ЦК А.С.Изгоев (Ланде), а затем в «Искре». После возвращения в Россию

Португейс сблизился с группой петербургских меньшевиков во главе с А.Н.Потресовым, видным деятелем российской социал-демократии, одним из лидеров меньшевизма. Одновременно он начал активно сотрудничать с меньшевистскими и просоциалистическими непартийными изданиями, такими как «Современный мир», «Образование», «Литературный распад», «Вершины», «День», «Современное слово». В годы первой мировой войны Португейс вместе с Потресовым редактировал газету «День».

В 1921 году Семен Португейс, не сумевший приспособиться к существующему в Советской России режиму, который он охарактеризовал как «пошлый большевистский иллюзион», бежал в Бессарабию, а оттуда перебрался в Париж, более чем на пятнадцать лет ставший ему домом. Последние годы жизни Португейс провел в Америке, где, как и многие другие изгнанники, оказался после начала второй мировой войны. Здесь, в 1944 году, он скончался. Наиболее известные литературно-политические псевдонимы С.О.Португейса – «Ст.Иванович» и «В.И.Талин» [10, с.122].

За годы, проведенные в эмиграции, Португейс из талантливого политического публициста вырос в глубокого ученого-политолога и оригинального социального теоретика. С.О.Португейс может по праву считаться одним из родоначальников *научной советологии*. Наиболее полно его научный потенциал раскрывается в работах, посвященных анализу сущности большевистского режима и его эволюции...

В чем же состояли самобытность мировоззрения С.О.Португейса как советолога и его политическая проницательность?

Отношение к большевистскому перевороту.

Основой социально-политического мировоззрения С.О.Португейса являлось представление об истории как о процессе постепенного превращения «среднего человека» в «гражданина». Такая демократическая позиция, выкристаллизовавшаяся у него под влиянием Гольдендаха-Рязанова, с одной стороны, отмежевывала Португейса от всякого рода политического сектанства и заговорщичества, а с другой, от народнического комплекса преклонения перед народом. Подвергая критике либерализм за высокомерную элитарность, нечувствительность к проблемам большинства и «буржуазность», он тем не менее критично относился и к современной ему социалистической доктрине, подменившей, по его мнению, «принцип гражданина» «принципом рабочего», ибо, «как только исчезает критерий гражданина, исчезает и критерий свободы» [1, с.74].

Главным пороком социализма С.О.Португейс считал «диктатуру экономики», абсолютизацию материальных факторов в ущерб культурным. Видя в экономических формах жизнедеятельности людей «базис» социального развития, он вместе с тем был убежден, что прогресс осуществля-

ется главным образом «в вершинах надстроек» и состоит в постепенном высвобождении личности от пут экономической зависимости. «Диктатура экономики», по Португейсу, – это результат обрушения культуры и «неслыханного обнищания человечества» [1, с.77], надолго отодвинувших достижение общественной гармонии: «Социализм произойдет от богатства ... Чтобы вспыхнула революция (а революции только вспыхивают), общество должно прийти в состояние крайнего упадка. Чтобы осуществился социализм, общество должно находиться в состоянии наивысшего расцвета» [5, с.238].

К числу одной из важнейших причин большевистской катастрофы Португейс относил давно обозначившийся разрыв между русской элитой, достигшей безусловных высот в искусстве, литературе, социальной теории, и массой, неспособной «подпереть эти культурные максимумы»: «когда в великой войне и затем в великой революции понадобился народ, понадобились массы, национальная воля и государственный разум, то вместо этого оказалось пустое место...» [10, с.123; 4, с.378]. В конечном итоге в России победили те, кто полагал, что капитализм – не *предпосылка* социализма, а лишь *помеха* ему. Возобладала опасная логика: «Когда капитализму худо – социализму хорошо. Когда капитализм болен – надо его добить, чтобы стал возможен социализм...». Между тем, Португейс отмечал, что между понятиями «*невозможен капитализм*» и «*возможен социализм*» существует принципиальная логическая и политическая разница. По Португейсу, буржуазию можно свергнуть (что не так уж трудно, если та погрязла в преступлениях, глупа, бездарна, эгоистична до слепоты), но этот шаг будет иметь прогрессивные последствия только в том случае, если «то дело, которое она делала плохо, делать хорошо...» [9, с.11-13].

Опираясь на известную формулу Жореса «революция есть варварская форма прогресса», Португейс доказывал, что большевистский переворот – это «варварская форма регресса» и потому революцией, строго говоря, назван быть не может. Только прогресс (прежде всего – расширение возможностей культурного творчества) оправдывает радикализм революционного метода. Большевизм же, по Португейсу, нанеся главный удар по культуре, обозначил «торжество начал регресса в цикле событий, начавшихся весной 1917 г.» [7, с.25-26].

Для Португейса другим важным критерием подлинной революции был ее национально-патриотический характер. Действительно «настоящей» он признавал Великую французскую революцию: даже за «варварским неистовством Конвента» / крылась / была естественная попытка нации защитить себя от исходившей извне угрозы. Варварство же большевиков родилось из национального предательства: «Те Дзержинские состояли при Дантонах, призывавших к оружию против внешнего врага, наши же Дзер-

жинские состояли при Крыленках, призывавших к похабному миру поротно и повзводно» [7, с.27]. По мысли Португейса, при существующем низком уровне культуры и национального самосознания революция неизбежно обернулась не более чем механическим «переворотом» социальных ролей. Вместо «свободы, равенства, братства» большевизм привел к новому угнетению и диктату: «Могучее инстинктивное тяготение истомленных в рабстве душ к социальной справедливости и социальному равенству не находит иного выражения кроме антитетической перестановки членов в формуле неравенства... Ибо в равенстве нет необходимого искупления прежних мук и прежнего рабства...» [7, с.50-51]. Именно эту психологию русских низов использовали большевики.

В отличие от историософского надрыва, который был характерен для русской эмиграции, Португейс тщательно анализирует факторы, позволившие большевизму победить. Большевизм для него – это срыв восходящей революции в смуту, прежде всего вследствие поражения культуры и ее носителей. В таком драматичном повороте событий огромную роль сыграла мировая война, пробившая хрупкую оболочку культуры и обнажившая отечественный хаос. И к несчастью для России нашлась политическая сила, сделавшая сознательную ставку на разнуздание варварства. Лидеры большевиков, и в первую очередь Ленин, уловили то, что их оппоненты не видели и не хотели видеть. Они поняли, что «война другие народы разорившая, русский народ... физически и духовно искалечит» и «решились дух войны, ее яд, ее аморальную, зверскую, хаотическую стихию сделать духом своей партии... Тот, кому приходилось с ними спорить на митингах... не мог не унести с собою незабываемого впечатления ставки, бесстыдно-откровенной, до конца доведенной ставки на хаос...» [10, с.124].

По Португейсу, непосредственной движущей силой переворота стали группы, деклассированные в ходе мировой войны и крушения культуры повседневности: «Мир распался, на оголенном мировым пожарищем месте стал голый, искалеченный человек, которому все нипочем. Этого человека большевики искали на фронте, среди дезертиров, среди деклассированных масс деревни и города, среди разношерстных толп, втянутых военно-промышленной вакханалией в горячее пекло индустрии. И этого человека ни нашли в количествах, достаточных для того, чтобы стихийной лавиной затопить разрозненные экземпляры человека-гражданина...» [7, с.14-15].

Оппоненты большевизма, стоящие на демократических позициях, недооценили силы разложения и анархии, которые скопились к тому моменту в России. Португейс сетует, что подлинная демократия все равно не имела в то время шансов в жестокой схватке (а иной она быть не могла) победить силы хаоса: «Демократия, которая не была в состоянии идти по линии хаоса, вынуждена была искать *равнодействующую* линию между

силами хаоса и идеалами демократии. Но она не была в состоянии найти достаточно мощную силу, *противодействующую* хаосу [7, с.14-15]. Гораздо позже, в 1936 году, Португейс, анализируя события прошлого, приходит к выводу, что российская демократия оказалась беспомощной перед лицом большевизма еще и потому, что тот являл собой абсолютно новый феномен – *демократизацию реакции*. «Случилось то, к чему демократическое сознание XIX и XX вв. было менее всего подготовлено. Политическая реакция из господской, из барской, превратилась в реакцию народную, плебейскую... В качестве народной эта реакция легко стала впитывать в себя некоторые идеи социализма-антикапитализма, и тут-то явственно обнаружилось, какой варварской, губительной для человеческой индивидуальности силой может стать социализм, из которого выпотрошены идеи и идеалы политической демократии» [10, 125].

О противоречиях большевизма.

Как социальному мыслителю, С.О.Португейсу нельзя отказать в оригинальности его методологии социально-исторического анализа. Исторические события он рассматривает на скрещении двух разнонаправленных аналитических стратегий. С одной стороны, он признает, что каждое событие «*входит в историю*» (в том числе и цепь российских революций начала XX в.), с другой стороны, Португейс был убежден в том, что история также «*входит в каждое событие*»: в него «*врываются силы «диалектики», силы социологического развития, превращающие первоначальную значимость этого события из одной в другую, нередко прямо противоположную*» [10, с.125]. Этого не избежал и большевизм. Специфика же большевизма, по мнению Португейса, в том, что он «*возымел безумное намерение запереть Россию и запереть себя таким образом, чтобы русская история никоим образом сюда не вошла*». Отсюда – «*террористическая истеричность*» большевиков, движимая стремлением защититься от «*проникновения истории в собственный организм*» [4, с.356]. Именно в этом принципиальное отличие большевиков от Петра Великого: если Петр, прорубив «*окно в Европу*», *впустил историю в Россию*, то Ленин и Сталин пытались *отгородить Россию от истории* [10, с.126].

Анализируя истоки большевизма, Португейс широко использует понятия «*история*» и «*исторический случай*». Большевики, считает он, хорошо осознают, что история, объективные законы исторического развития не на их стороне. В попытке превратить случай «*в историю, а историю, хотя бы тысячелетнюю историю России, в необязательный случай*» и состоит, по Португейсу, суть коммунистической утопии. Глубинный смысл большевизма, заключает Португейс, – не в провозглашении некоего общественного идеала. Разветвленная коммунистическая мифология и связанная с

ней изощренная политическая демагогия есть не более чем способ удержания политической власти. Конечно, стремление сохранить завоеванные позиции присуще всем захватившим власть. Но для большевиков власть – это воля не только «к жизни», но и «к определенному ее смыслу, хотя бы и самому фантастическому».

В связи с этим С.О.Португейс пишет: «Вспомним только, с какой заклятой силой отстаивали себя и свои «принципы» партии французской революции. Посылая друг друга на эшафот, они считали свои принципы, иногда самого отвлеченного свойства, чем-то таким, ничтожное, временное отступление от чего грозило мировой погибелью. Гильотина разрешала философские споры» [10, с.126]. Власть как таковая – вот что является для большевиков единственной ценностью. Большевизм, согласно Португейсу, – «холоден, расчетлив, весь погружен в бухгалтерию». Во имя сохранения власти он готов поступиться любой идеологией: «Это оголенная форма узурпации, чистый ее вид, не подчиненный никаким идеям, идеалам, принципам, кроме одной всепожирающей цели – быть, жить... Здесь его особая статья. Здесь он был безусловно оригинален, смел, ловок, талантлив. Здесь была особая, тонко проводимая политика, изучение и анализ которой легче... и скорее вводит в самую душу большевизма, чем томительные раскопки в груде наваленных большевиками мыслей, слов, теорий, мероприятий...» [10, с.126].

По мнению аналитиков, важной заслугой Португейса-советолога является его всесторонний анализ взаимоотношений «органики» истории большевистского насилия над ней. Все «антиисторические» планы большевиков, отмечает он, неизбежно терпели фиаско. Но именно потому, что эти планы проваливались (и именно в той мере, в какой они проваливались), и сохранялось господство большевиков над Россией: «Только старательно облегчаясь от своей программы, только ценой неслыханного в истории революции бесстыдного оппортунизма, большевики могли удержаться у власти. Только терпя изо дня в день поражение как принцип, большевизм мог до сих пор удержаться как факт. Они объявили священный поход против истории, но история забралась внутрь их самих, дала им жизнь и отняла у нее *их* смысл» [10, с.126]. Несомненно, последовательная сдача ключевых коммунистических принципов (ликвидация имущественного неравенства, мировая революция, отказ от государства как машины насилия и пр.) – есть летопись русского большевизма.

В ответ на излюбленные в эмигрантской среде рассуждения о том, что «советская власть в тупике», Португейс-советолог вносит в них принципиальное уточнение: «Нет, советская власть сменяет один тупик на другой, и все ее многочисленные перемены курса не более, как выход из одного тупика в другой. Какой из них будет последним, сейчас сказать нельзя, но

что каждый новый тупик будет для нее губительнее предыдущего – это совершенно очевидно [2, с.63]. Во многом отслеживанию и анализу блужданий большевизма «из тупика в тупик» и посвящены основные работы Португейса-мыслителя.

О «средних слоях» и молодежи.

Не соглашаясь с абстрактными разговорами о большевизме как о «рецидиве русского варварства», «реванше азиатчины», «реставрации восточной деспотии» и т.п., характерным для большинства эмигрантов антибольшевицкой ориентации, Португейс пытается определить конкретные социальные силы, которым Россия обязана своей «стамбулизацией». При этом он делает упор не столько на тех, кто возглавил и непосредственно осуществил переворот, сколько на тех, чьим интересам тот отвечал. Согласно Португейсу, решающую роль в большевицком перевороте сыграли «средние слои», «мелкая буржуазия», т.е. те социальные силы, которые были вытеснены на «зады» русской жизни в ходе лобового противостояния реакционных верхов и революционных низов. Русская интеллигенция, по замечанию Португейса, никогда не ценила и в результате опасно недооценила «средние слои». Между тем, мощная антимещанская струя в элитарном сознании, свидетельствуя о высоком уровне духовности русской интеллигенции, была вместе с тем и «грозным признаком выпотрошенности русского социального тела» [10, с.127].

По заключению Португейса, большевицкий переворот по своему объективному содержанию представлял собой спровоцированный чрезвычайными обстоятельствами стихийный прорыв тенденций, которые подспудно назревали в России десятилетиями. «Регрессивный метаморфоз» русской экономики обнаружился еще в начале первой мировой войны: «Легионы мелких торговцев и спекулянтов, громадное разбухание починочной индустрии, резко увеличившаяся зависимость спроса от ремесленного и кустарного предложения – все это были симптомы не только экономического, но и социального подъема средней и мелкой буржуазии». Переориентировавшись на военные заказы, крупный капитал «перестал работать на удовлетворение потребностей жизни и стал работать на удовлетворение потребностей смерти – потребностей войны» [4, с.364].

Усилившееся бегство крупного капитала с рынка личного потребления имело далеко идущие психологические последствия – массовое сознание отозвалось на него псевдосоциалистической «карикатурой»: «Не нужно нам никаких капитализмов!». Португейс не сомневался, что вульгарный социализм большевицкой эпохи был естественным продуктом «регрессивного метаморфоза» предреволюционных лет. В то же время контркультурный радикализм большевиков лишь придал этому явлению необы-

чайно мощный размах. По мнению Португейса, процесс «разрушения капитализма» пошел на пользу вовсе не пролетариату (быстро исчезавшему по причине полного паралича промышленности), а прежде всего «мелкотравчатой буржуазии» [10, с.127].

Исходя из этого, по заключению Португейса, русская революция (включая Февраль) не была ни буржуазной, ни социалистической: «Не пролетариат и не буржуазия, а вот именно этот конгломерат средних элементов города и деревни, «мещан», которых мы раньше не замечали или всячески презирали, – вот они-то и заявили о своем существовании и о своих исторических претензиях с наглядностью воистину убийственной» [4, с.363-365]. «Убийственность» эта заключалась в том, что необходимым условием выхода на историческую арену плебейско-мещанских слоев была социокультурная катастрофа нации, «обвал всех достигнутых столетиями дореволюционного развития уровней – экономических, культурных и духовных»: «Все должно было стремительно покатиться вниз для того, чтобы эти поздно родившиеся социальные элементы могли подняться вверх...» [10, с.128].

В конечном счете, «средние слои» сумели вырваться на авансцену русской истории лишь благодаря большевизму, найдя в нем «питательный бульон» для своего бурного роста. При этом речь шла как о социально-экономическом, так и о культурно-психологическом «реванше»: «Надо было разбить духовную гегемонию русской интеллигенции, сбить с нее ее антимещанский пафос, унизить ее не только социально, но и душевно» [4, с.368].

Таким образом, власть большевиков смогла утвердиться потому, что под завесой демагогических рассуждений о «пролетарской диктатуре» вызвала к жизни массовые средние слои. Однако, сотворив нового «субъекта истории», она неизбежно вступила с ним в непримиримый конфликт. Большевизм же, стремясь упрочить собственную власть, не жалея сил, создавал механизмы влияния на различные социальные группы, а те, со своей стороны, использовали данные механизмы для исторического самовоспроизводства и – тем самым – против «антиисторического» большевистского диктата. Именно столь третируемое в России (в т.ч. и большевиками) «мещанство», проникшее со временем во все поры советского режима, и оказалось в конечном счете «могильщиком большевизма» [10, с.128].

Посвящая свои работы проблеме о роли молодежи в русской революции, Португейс, как всегда скрупулезно, пытается выявить причины, обусловившие, по его словам, «педократизацию» российской жизни. Говоря о «решительной схватке поколений», он считает, что это является характерной чертой для эпох бурных общественных трансформаций: «Всякая революция и по причинам своим, и по последствиям своим является глубоким

историческим разрывом поколений. С этой точки зрения революцию следует рассматривать не только как явление социально-политическое, но в значительной мере и как явление социально-биологическое» [13, с.479]. «Восстание детей против отцов», принявшее в России особо острые формы, советолог связывает с отсутствием прочных культурных традиций. Произошедшее Португейс склонен объяснять, как и во многих других случаях, фактором мировой войны. Вместе с тем он подчеркивает, что главная проблема заключалась не в росте поколенческих претензий как таковым, а в смене поколенческих настроений. По мнению Португейса, большевизм умышленно сделал «ставку на «омоложение» русской революции, правильно сообразив, что чем менее кадры и аппаратура будут обременены годами, чем они будут зеленее, тем они будут краснее...» [10, с.130].

Объективно оценивая возможность молодежи укреплять свой социальный статус посредством политической активности (комсомол), и получать профессиональное образование, Португейс вместе с тем обращает внимание на существующие ограничительные барьеры, выстроенные советской системой (политический контроль, подмена прав льготами и привилегиями и т.п.). Португейс выражает уверенность в неизбежности замены распределительных приоритетов молодежи правовыми нормами.

Большевизм и экономика.

На все лады перепевавшемся в эмигрантской среде (подчас весьма талантливо) тезису о «большевистском разрушении экономики», Португейс предпочел феномен большевистского вмешательства в экономику расшифровать социологически, опираясь на данные статистики: «Когда мы говорим о разрушении большевиками в первый период их господства промышленности, то надо иметь в виду его социальный смысл. Ибо в этом разрушении весьма значительную роль играет перераспределение и расхищение оборудования, запасов сырья и отчасти денежных капиталов... Коммунистическое разрушение было в значительной мере формой и предпосылкой мелкобуржуазного накопления... Произошедшие при этом грандиозные усушка и утруска самой материи владения были всего только издержками революционного производства новых собственников» [4, с.368-370; 10, с.128].

Согласно Португейсу, за процессом «разрушения через перераспределение» (присущим, по мнению советолога, всем революционным эпохам), в свою очередь, просматриваются далеко идущие тенденции, раскрывающие глубинную логику эволюции системы. Они позволяют, в частности, объяснить такое явление, как тотальная криминализация советского общества: «Когда все имущества, все ценности были перераспределены под водительством советской власти, когда все было прибрано к рукам и грабить

других стало более невозможно, тогда стали грабить ее самое. В атмосфере грандиозной социальной инерции коммунистическая собственность, собственность самого государства стала не более священной, чем та собственность, поход на которую организовала советская власть» [4, с.371]. Рано или поздно, заключает Португейс, когда режим окончательно одряхлеет, коммунистическая (государственная) собственность неизбежно окажется объектом варварского расхищения. И это будет ничем иным, как прямым следствием порожденной большевизмом варварской перераспределительной психологии [10, с.129].

Португейс подчеркивает, что заявления большевиков о занятии пролетарским государством командных высот в российской экономике не имеют под собой никаких оснований. За счет контроля над национализированной промышленностью кормится не народное государство и уж тем более не пролетарский класс-гегемон, вполне конкретные частные лица. «Даже пресловутая «командная высота» национализированной промышленности, – отмечает он, – и та косвенно питала и питает средние классы населения, переводя в их частное накопление немаловажную часть накопления государственного. ...Внутри самого аппарата крупной национализированной промышленности образовались уже значительные кадры тороватых хозяйственников, которые при помощи буржуазных спецов научились водить за нос советскую казну, прятать прибыли в дебрях хитроумных отчетов...» [4, с.373]. Далее Португейс пишет: «Вырастают элементы будущих собственников, «на всякий случай» воздерживающихся отдавать «им» «свои» деньги. Однако пока эти деньги «им» не отдаются, эти деньги греют множество людей, тучей вьющихся вокруг каждого предприятия, которое без них и не может жить, нуждаясь в сложной системе толкачей, посредников, «связей», подставных лиц, акробатов чудовищной советской бюрократии, умеющих ходить по канату и прыгать с крыши» [4, с.374].

Современные аналитики подчеркивают, что сделанные С.О.Португейсом в конце 1920-х годов «удивительно точные оценки хозяйственной системы», более чем на полвека предвосхитили работы отечественных экономистов, начавших на закате советской эпохи исследовать «народное хозяйство» страны в русле концепции «бюрократического рынка» [10, с.129].

О «коммунистической партии» и «советском обществе».

Безусловно, ключевой для Португейса является идея, что повседневная жизнь, развиваясь вопреки большевизму, постепенно регенерирует объективную логику человеческих отношений, культуры и истории. В итоге важнейшие институты большевистского режима, создававшиеся для поддержания его стабильности (партия, комсомол, армия), становятся ареной острейшей внутренней борьбы. В них и, учитывая их значение, преж-

де всего в них проявляется имманентное противоречие системы – возрождение культуры повседневности наперекор пароксизмам революционной чрезвычайщины.

К числу излюбленных тем Португейса-советолога относится исследование метаморфоз, претерпеваемых главным институтом большевизма – коммунистической партией. Собственно, правомерность использования понятия «партия» применительно к РКП-ВКП вызывает у него серьезные сомнения: «Партия – это всегда только часть политических сил данной страны, большая или меньшая. Но все-таки только часть... Там же, где все партии уничтожены, где действует только одна группа людей, выжигая огнем и вырубая мечом всех не только инакодействующих, но и инакомыслящих, притом не только вне своего круга, но и внутри его самого, – там эта господствующая часть превращается в целое. А превратившись в целое, перестает быть частью, она перестает быть партией» [8, с.3].

Однако суть проблемы Португейс усматривает не в ложном самоназвании, а в том, что, установив монополию на власть, партия загоняет внутрь себя общественно-политические противоречия: «Партии удалось предупредить и пресекать появление второй партии в стране, но она потерпела жестокое поражение у себя дома, ибо этот дом превратился в арену грандиозной междоусобицы... В кривом зеркале коммунистической монополии насакивают друг на друга чудовищно карикатурные отображения социальных реальностей, не имеющих пока иной возможности выжить, как в этом чудовищно искажающем зеркале» [14, с.415; 10, с.132].

По мнению Португейса, история «сыграла с РКП злую шутку». Действительно, в условиях преследования и изгнания сил, чья деятельность так или иначе противоречит целям партии-монополиста, местом спасения этих сил оказалась... сама партия: «Если хозяйствовать можно только состоя в РКП, или «примыкая к ней»... то, стало быть, весь многообразный мир интересов, страстей, столкновений, связанных с хозяйственной деятельностью, с классовой борьбой, с борьбой в пределах каждого класса – все это должно найти то или иное отражение внутри этой огромной губки – РКП. Если никуда нельзя пойти и ничего сделать нельзя, не побывав внутри и около РКП, то естественно здесь образуется водоворот, дикая свалка тех интересов, которые в нормальной обстановке находят себе свои собственные многочисленные русла, свои собственные организационные формы... Борьба населения с монополией легальности РКП была перенесена в пределы самой РКП» [10, с.132].

По образному выражению Португейса, «борьба за партийный билет – это борьба за власть, и каждая социальная группа вносит в эту борьбу... *свое* социальное содержание». Так, проведенный им анализ настроений в советской деревне конца 1920-х годов показывает, что «партийные влече-

ния» среди крестьянства определяются целями, *не вполне большевистскими* («занять какую-нибудь должность», «укрепить свое хозяйство», «получить командировку в учебное заведение», «приобрести власть над односельчанами»), а иногда и *полностью антибольшевистскими* («замаскировать свое хозяйственное обрастание», «прибедняться перед налоговыми органами», «укрыться от судебного преследования» и т.п.). Иными словами, коммунизм в деревне – «это не исповедание и убеждение, а профессия или состояние» [10, с.133].

Весьма поучителен и анализ Португейсом существа «сталинского термидора» – политики «раскулачивания» и огосударствления аграрной сферы. Согласно его заключению, изначальная легитимность большевистской революции в общественных низах объяснялась прежде всего тем, что последняя создала условия для быстрого социального восхождения. Диктатура живет верой в то, «что революция еще не кончилась», «что для тех, кто был «ничем», есть еще большие возможности стать «всем». Внезапное осознание массов, что «мест уже нет», ставит под удар устойчивость системы» [12, с.2].

На рубеже 1920-х – 1930-х годов в советской России, по оценке Португейса, сложилась «психологически опасная» для режима ситуация: растущее в массовых слоях ощущение, что «революция выдохлась», подогревалось риторикой влиятельного «правого» крыла партии «о мирном вращении в социализм». Разумеется, в этой ситуации правящей группировке, стремящейся сохранить свои позиции, требовалось наглядно продемонстрировать, что «революция продолжается». Отсюда следует, что главной целью сталинского «огосударствления деревни» было даже не изъятие крестьянского хлеба в пользу города, а расширение командно-бюрократического сословия как главной опоры режима, осуществление «повальной бюрократизации всего русского сельского хозяйства».

Согласно Португейсу, определенную роль в массовом «раскрестьянивании» сыграла и марксистская догма о благотворности тотального обобществления производства, но «шилом в мешке сквозь этот эксперимент проглядывала необходимость утолить жажду власти и командования у миллионов людей, не столько сплотившихся, сколько столпившихся внутри и вокруг ВКП и комсомола, обольщенных посулами и перспективами социального возвышения...» [10, с.134].

Вместе с тем, расширив свою «социальную емкость» за счет деревни, партия столкнулась с новой проблемой вынуждающей партию искать пути для приобщения «к частичке общественно-политического и хозяйственного командования» и других элементов населения, что в свою очередь ставит перед партией необходимость периодически «прореживать» собственные ряды. В связи с этим Португейс делает принципиальный вывод о «бе-

зыходности» и «конечной неразрешимости» данного противоречия. Подобным же образом он анализирует метаморфозы, происходящие в среде советского рабочего класса. По большому счету, Португейс был фактически первым из исследователей большевизма, который обращает внимание на один из ключевых парадоксов советского строя: хотя пролетариат официально объявлен в России «господствующим классом», наиболее инициативные его представители в лице «рабочего молодняка» мечтают «перебраться» в другие социальные группы [13, с.492, 502]. Очевидно, на смену «революционному романтизму» приходят практицизм и рациональный расчет. Развитие этой тенденции, по оценке советолога, со временем приведет не только к окончательному выхолащиванию «пролетарской» мифологии, но и к основательному социально-политическому перерождению режима.

О «старении режима» и способах его «омоложения».

Исходя из того, что главной проблемой большевистского строя, по Португейсу, является неизбежное столкновение возрождающейся культуры повседневности с доктринально узкими коммунистическими рамками, он подвергает проблему «старения режима» и формы его «омоложения» тщательному анализу. Он подчеркивает, что одним из наиболее эффективных способов искусственного продления «революционной молодости» власти является постоянное поддержание в массовом сознании «образа врага», этакое «турка» в лице буржуа, белогвардейцев, врагов пролетариата и т.д. Отсюда – перманентные кампании по выявлению подлинных и мнимых «врагов народа». Другим радикальным средством самоомоложения режима он считает «политические чистки». Вместе с тем, по мере неуклонного «старения» режима активные формы его «самоомоложения» (террор, чистки, процессы над «врагами народа») сменяются все более «вегетарианскими», характерными скорее для суетливой «кутерьмы», нежели для возвышенной «революции». Характерно, что при описании совокупности мер, с помощью которых дряхлеющий режим противодействует процессам возрождающейся исторической «органики», советолог использует обобщенное и очень точное понятие «дерганье».

Между тем, по оценке Португейса, необратимые процессы «старческого перерождения» захватывают уже самую коммунистическую верхушку: энтузиастов революции постепенно замещают чиновники, бессовестно и цинично стремящиеся к консервации своего статуса. «Окончание революции» станет делом рук самой коммунистической элиты, и коллапс советской системы начнется с ее главного института – партии. Заметим, что этот аналитически точный прогноз был сделан Португейсом еще на рубеже 1920-1930 годов [10, с.136].

О контурах будущей России.

Вопреки большинству эмигрантов первой послереволюционной волны, Португейс был убежден, что «большевизм могут преодолеть не те, которые с ним и к нему не пошли, а только те, которые из него ушли» [10, с.136]. С нескрываемой иронией и даже жалостью он относился к тем эмигрантским деятелям, которые все еще лелеяли мысль о своей «особой роли» в грядущих событиях. Решение же своей собственной задачи советолог видел в трезвом анализе процессов, изнутри подтачивающих большевистскую диктатуру.

По мнению аналитиков, корни его удивительной исследовательской и политической убежденности в конечности большевистской диктатуры крылись в глубоком знании европейской истории и прежде всего – истории Французской революции. В его рассуждениях о перспективах развития большевистского режима аналитики улавливают явные отголоски блестящего анализа соотношения «старого порядка» и «революции», проведенного, в частности, А. де Токвилем на примере Франции. Не исключено, что именно знакомство с идеями Токвиля позволило Португейсу выстроить цепь рассуждений, раскрывающих беспочвенность революционного нетерпения его коллег по эмиграции [10, с.136-137].

Если «новый порядок», по убеждению Португейса, «успел благополучно миновать «детские болезни» своего роста, если он устоял против первых конвульсивных контратак того общества и государства, которые он обезвластил и обесправил, тогда ему уже более или менее гарантирован относительно длинный период жизни». Поскольку большевикам удалось справиться и с тем, и с другим, надежды на преодоление советского режима следует связывать с его «постарением»: «Он обязательно должен постареть, чтобы сконцентрировать на себе ненависть народного большинства, чтобы разрушить все иллюзии, связанные с его рождением и молодыми годами... Режим должен остыть, сложиться, стать «пожилым», потерять блеск великих событий... чтобы в отношении к нему страдающих масс могла проявиться свобода оценки и в психике народа могли бы накопиться элементы объективной ориентации в своем собственном положении» [6, с.391-392].

По утверждению Португейса, в основе того «обмещанивания» советского общества, о котором с презрением писали многие эмигрантские авторы, лежит определенный подъем уровня жизни населения, и это не просто прозаическое благо, но одна из необходимейших предпосылок «пробуждения в замордованном советском человеке духа свободы». Для него не подлежит никакому сомнению, что процесс «обмещанивания» свидетельствует о «переходе России в органическую эпоху». И эта историческая орга-

ника, по его убеждению. Гораздо опаснее для диктатуры, чем «лихорадка революции»: «Аппетит не только к материальным, но и духовным и моральным благам будет у русского народа быстро возрастать в прогрессии, за которой реформаторской колеснице диктатуры все труднее и труднее угнаться...». И как итог – излюбленный тезис Португейса, ставший его кредо еще со времен внимательного изучения работ Г.В.Плеханова: «Россия до-эволюционирует до революции» [10, с.137].

О характере будущей «революции» Португейс высказывается весьма осторожно, однако из его работ понятно, что он предпочел бы максимально бескровный исход. По поводу же будущей, «разбольшевиченной», России он не высказывает особый оптимизм: очень трудно, если вообще возможно, разом перепрыгнуть из диктатуры в царство подлинной демократии. Он предупреждал о трагической ошибке, уже сделанную однажды русскими революционными мечтателями.

Главной задачей нового поколения российских демократов, согласно Португейсу, должно быть не столько приближение конца коммунистического режима, сколько подготовка условий, при которых «финал коммунизма» стал бы действительно прогрессом. В отличие от ностальгирующей по прежним временам эмигрантской массы, он хорошо усвоил тот урок, который был преподан его соотечественникам в 1917 году: если не подготовлены культурные условия, способствующие позитивному преодолению «старого порядка», падение ненавистного режима может оказаться шагом не вперед, а назад. Не случайно Португейс с тревогой констатировал, что большинство антибольшевистски настроенных русских эмигрантов сами отмечены печатью большевизма. Он решительно не разделял психологию бескомпромиссного уничтожения любого инакомыслия.

Последовательна установка Португейса – работать не на любой «антибольшевизм», а (по возможности) на «культурнический», просвещенный «постбольшевизм». При этом если даже в полной мере чистоту такой стратегии соблюсти не удастся, принципиальная задача ясна: в случае, если антибольшевистская революция в России произойдет спонтанно, постараться принять все меры к тому, чтобы «обезопасить ее от возможных реакционных и реваншистских искажений». Это, в свою очередь, предполагает активную политико-культурную борьбу против существующей диктатуры.

Об историческом смысле большевизма.

Твердо убежденный в том, что большевизм проник в историю в результате исторического «зигзага», Португейс тем не менее не склонен рассматривать большевистскую эпоху как некую «черную дыру» и «потерянное время» для российской истории. Он подчеркивал, что любую фазу ис-

тории, даже трагическую, можно прожить и изжить по-разному. По его мнению, объективно-исторический смысл большевистской эпохи заключается в том, что «поверхностный прогресс социальной и культурной верхушки нации» (такова была ситуация до революции) был превращен в «глубинный прогресс всей народной толщи» [4, с.378]. Данный тезис, понятно, резавший ухо аристократическо-снобистской части эмиграции, представляется вполне логичным для Португейса-советолога. Как известно, он связывал большевистский обвал с огромным разрывом между российской культурной элитой и массами, а потому видел в росте культуры широких слоев населения, даже медленном и неровном и происходившем в условиях большевистского господства, несомненное историческое благо.

Исторические процессы, утверждал Португейс, нельзя оценивать «с позиции рекордов» (типа: «сто миллионов людей, научившихся рисовать, не стоят одного Рафаэля»); развитие демократии есть развитие социальной и культурной самостоятельности крупных классовых и национально-государственных «массивов». Только тогда, когда подобные «массивы» сформировались, возвышающиеся над ними «культурные максимумы и рекорды» приобретают устойчивость и историческую прочность. Однако если бы посткоммунистическая Россия избрала именно такую стратегию преодоления большевизма, то это могло бы служить «оправданием» советского периода «не только с точки зрения материи, но и с точки зрения духа» [4, с.379].

Представляется, что большевистский эксперимент для Португейса – это серьезный повод задуматься и о состоянии социалистического мировоззрения в целом. Практика большевизма показала, что «в теоретическом царстве социализма не все ладно». Советский большевизм, по Португейсу, безусловно, – «карикатура», «грандиозный поклеп», «гомерическое издевательство» над основными идеалами и принципами социализма. В большевизме обнаружилось свойство всякой карикатуры, если она талантливо исполнена: при взгляде на такую карикатуру становится понятным, что именно так «безобразит и искажает» оригинал [10, с.139].

Характерно, что к числу опасных теоретических заблуждений, порочность которых вскрыл опыт большевизма, Португейс относит не только учения о «диктатуре пролетариата» и «социальной революции», но и идею «обобществления производства как наиглавнейшей задачи социализма»: «Коллективное хозяйство перестало быть фетишем. В условиях несвободы и даже недостаточной свободы оно не благо, а проклятие, потому что отнимает у человека и ту свободу, свободу хозяйствования, на которую даже наиболее консервативные и реакционные политические режимы капитализма меньше всего покушались. С отнятием и хозяйственной свободы рабство становится тотальным. В условиях деспотии коллективное хозяйство

есть великое несчастье. Каковым оно будет в условиях демократии – для ответа на этот вопрос достаточных данных еще нет. Представление о том, что в нем самом заключаются зиждительные силы, творящие только общественное добро, оказалось ложным и, по меньшей мере, неподтвержденным» [3, с.312].

Анализируя взгляды Португейса-советолога, целесообразно вспомнить еще один важный вывод, к которому он пришел, изучая сущность большевизма. Этот вывод заключается в том, что подобное «историческое помрачение» приходит в историю не только как прямое насилие, но и как серьезный «соблазн». Еще в начале 1920-х годов Португейс предвидел, что и после своего краха большевизм не утратит притягательности для массового сознания: «Побежденный как факт большевизм, весьма возможно, будет гораздо более нынешнего соблазнять как идея и иллюзия... *в особенности, если большевизм сойдет в царство теней в ореоле мученичества, а его победители не сумеют скоро создать в России сколько-нибудь сносные условия жизни*» [10, с.140]. Представляется, что эти слова свежо звучат и остаются удивительно актуальными и в наши дни.

В целом же следует констатировать, что труды нашего земляка советолога С.О.Португейса, на наш взгляд, заслуживают более пристального внимания отечественных политологов и особенно молодых исследователей.

Библиография

1. Иванович Ст. Демократия и социализм. // Современные проблемы. Париж, 1922.
2. Иванович Ст. Из тупика в тупик. // Заря, 1922, №3.
3. Иванович Ст. Кризис социалистического сознания. // Новая жизнь, 1942, №1.
4. Иванович Ст. Об историческом массиве (Из размышлений о русской революции). // Современные записки, 1927, №32.
5. Иванович Ст. О диктатуре. // Современные записки, 1922, №10.
6. Иванович Ст. Пути русской свободы. // Современные записки, 1936, №60.
7. Иванович Ст. Пять лет большевизма. - Берлин, 1922.
8. Иванович Ст. Российская коммунистическая партия. - Берлин, 1924.
9. Иванович Ст. Сумерки русской социал-демократии. - Париж, 1921.
10. Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семен Осипович Португейс // Политические исследования (Полис), 2006, №1.
11. Николаевский Б. Памяти С.О.Португейса (Ст.Ивановича). // Новый журнал, 1944, №8.

12. Талин В.И. Кутерьма и революция. // «Последние новости», 1929, 2 апреля.
13. Талин В.И. Наследники революции. // Современные записки, 1927, №30.
14. Талин В.И. Побежденные и победители. // Современные записки, 1928, №4.

Представлена в редакцию
25 февраля 2013 г.

Рецензент – *Юлия ГОРИНЧОЙ*, доктор философских наук, доцент